

«Оранжевая революция» в Украине: транзитологическая интерпретация

Юрий Мациевский
кандидат политических наук, доцент
заведующий кафедрой политологии
Национального университета «Острожская академия»

В статье поддается сомнению распространенная интерпретация событий ноября-декабря 2004 года в Украине через категорию революции. Взамен предлагается их альтернативное объяснение сквозь призму транзитологии, что дает, по мнению автора, возможность более корректно определить сущность этих событий как этапа демократического транзита.

«Оранжевая революция» в украинском общественно-политическом дискурсе

Резкое возрастание политического участия граждан Украины в последний период президентской избирательной кампании 2004 года, противостояние власти и оппозиции при поддержке сотен тысяч граждан с эпицентром на площади Независимости в Киеве, признание Верховным Судом Украины второго тура президентских выборов недействительными, назначение повторного голосования и победа оппозиционного кандидата В. Ющенко – все эти события уже прочно утвердились в сознании большинства украинцев как «оранжевая революция». Сам термин появился в последнюю неделю ноября 2004 г. в СМИ как краткая характеристика приведенных выше событий, как символ социальных ожиданий и как визуальное восприятие, в первую очередь на площади Независимости, доминирования оранжевой символики сторонников В. Ющенко. Ощущения революционности придало и то, что в неравной борьбе за власть победил оппозиционный кандидат. Затем термин приобрел еще одно значение – символа победы оппозиции на президентских выборах 2004 г. в Украине. «Оранжевая революция» в таком восприятии не была уникальной. За год до этого в Грузии оппозиция пришла к власти в результате «революции роз». Первой «революцией с прилагательным», наверное, стоит считать «бархатную революцию» 1989 г. в Чехии, когда оппозиция во главе с В. Гавелом смогла ненасильственным путем устранить коммунистов от власти и выйти из-под влияния Кремля.

Не удивительно, что термин «оранжевая революция» приобрёл большое символическое значение. Поэтому он так легко вошел в наше повседневное обращение, и каждый, услышав или употребив его, вкладывает в него ещё и свой собственный смысл.

Распространению этого словосочетания способствовало и то, что слово «революция» имеет довольно широкий диапазон значений. Телевизионная реклама переполнена сообщениями о «революционных технологиях», начиная от средств коммуникации и транспорта и заканчивая средствами личной гигиены. Изменения общественных взглядов или способов производства также широко используются с прилагательным «революционные».

Так родился дискурс революции ставший доминантой политической лексики в Украине в период конца 2004- середины 2006 г. Следует отметить и то, что к привнесённым президентской избирательной кампанией линиям раскола украинского общества добавилась еще одна – разделившая население Украины на сторонников и противников революции. В общественном сознании части украинского общества ассоциирующей себя с «оранжевыми» революция была синонимом прогресса и воспринималась исключительно позитивно. В среде сторонников «бело-синих» революция вызывала негативные ассоциации, выражавшиеся словами «смута», «шабаш» «бунт» «упадок» и др. Динамика количественного соотношения этих двух групп хорошо

прослеживается по результатам президентских выборов и уровнем общественной поддержки В.Ющенко и В.Януковича на протяжении 2005-2007 гг. Если в начале 2005 г. уровень доверия к президенту В.Ющенко был около 60% то к маю 2007 г. он упал до 10-13%. В то же время поддержка В.Януковича возрастала примерно с 7-10% в начале 2005г. до 24% к маю 2007г. Следует ли считать падение уровня поддержки президента следствием разочарования населения Украины в «Оранжевой революции»? Частично да, но на мой взгляд здесь более выражено разочарование в действиях «оранжевых» политиков нежели переоценка значения «Оранжевой революции» в жизни страны и общества.

«Оранжевая революция» в научно- публицистическом дискурсе

В этом исследовании я не пытаюсь ответить на вопрос, почему и как произошла «оранжевая революция» – эта тема уже поднималась в исследованиях украинских и зарубежных учёных. Меня интересует другое – можно ли признать события ноября-декабря 2004 г. революцией, в том значении, в котором принято использовать это понятие в социальных, в частности политических исследованиях. Если же нет, то как можно определить сущность указанных событий с политологической точки зрения?

Я начну с обзора публикаций украинских и зарубежных критиков и исследователей, посвящённых интерпретации событий «оранжевой революции». Поскольку сам термин «оранжевая революция» появился с легкой руки журналистов, большинство публикаций в украинских печатных и электронных СМИ освещают события ноября-декабря 2004 г. именно как революцию, не углубляясь при этом в серьёзный анализ. Не удивительно, что первые попытки объяснения «оранжевой революции» были осуществлены именно политическими обозревателями электронных и печатных СМИ. Так украинский политический журналист Микола Колодяжный, используя в некоторой мере эклектичный перечень составляющих революции, таких как предпосылки, цели, движущие силы, революционная ситуация, толчок к революции, ее ход, результаты и характер, утверждает, что «оранжевую революцию» можно называть революцией. По типу или характеру, считает он, революция была буржуазной, на том основании, что «она расчищает общество от тех пережитков и остатков, которые мешают нормально развиваться рыночной экономике»[1].

Заместитель редактора журнала «Сучасність» (Современность) Сэргий Грабовський в короткой публикации в Интернет издании «Украинская Правда» утверждает, что «оранжевая революция» 2004 г., как и «революция на граните» в 1990 г., как и акции «Украина без Кучмы» или «Восстань, Украина!», как и принятие Конституции Украины 1996 года, являются составляющими более длительного и масштабного процесса. Этот процесс следует назвать «новейшей украинской революцией»[2].

С точки зрения более широкого, историософского понимания перемен, высказывается главный редактор независимого культурологического журнала «І» Тарас Возняк, подчеркивая потребность во «второй волне украинской революции». Первой волной, считает он, была «бархатная революция» 1991 [3].

Похожую мысль высказывает и британский политолог украинского происхождения Тарас Кузьо, который утверждает, что «оранжевая революция» является второй и последней фазой украинской революции, которая началась в конце советской эпохи. «В 1991 г. в Украине состоялась национальная революция, а в 2004 г. страна пережила демократическую революцию. Поэтому революция 1991 г. была незаконченной до 2004 г.» [4]. Кроме того, Т.Кузьо считает, что оранжевая революция объединила три революции в одну: национальную, демократическую и антикоррупционную. Очевидно, что Т.Кузьо использует понятие «революция» в довольно широком значении, как знаменатель перемен в важных сферах общественного развития.

Социолог Юрий Саенко, анализируя состоявшиеся в период между двумя турами выборов события, осторожно подчеркивает то, что «...прямо сейчас достаточно полно

оценить и объяснить то, что произошло, принципиально невозможно», однако утверждает, что «действительно, состоялась революция в общественном сознании – но пока только в намерениях к переменам. До революции в социальной структуре еще далеко»[5].

Историк Степан Кульчицкий в газете «День» опубликовал две обширные статьи, посвященные анализу событий, предшествовавших «оранжевой революции» 2004 г. Предметом анализа первой публикации является попытка оценить предпосылки ноябрьских событий 2004 г. По глубине перемен и скорости, с которой они состоялись, автор называет их революцией [6].

В следующей публикации, посвященной реконструкции планов Л. Кучмы остаться при власти, С. Кульчицкий отмечает, что «Оранжевая революция – это всего лишь эпизод, пусть даже самый важный в двухсотдневном марафоне президентских выборов 2004 г. Взгляд на революцию должен формироваться в ходе анализа этих выборов» [7].

На страницах газеты «День» своим мнением о драматических событиях конца 2004 г. поделился политолог Анатолий Гальчинский. Посылаясь на работу П. Сорокина «Революция и социология», в которой метр социологии выделяет три фазы революции – эмоциональную, деструктивную и конструктивную, А. Гальчинский подчеркивает, что «Очень важно, чтобы «гурьбы» оранжевой революции осознали специфику соответствия логике, чтобы период выхода из революционного состояния и вхождения общества в конструктивную фазу наступил как можно быстрее» [8].

Свой тезис о том, что Украина действительно пережила революцию, А.Гальчинский развил в книге «Помаранжева революція і нова влада» (Оранжевая революция и новая власть». Используя, заимствованное из советского обществоведения деление революций на политические и социальные, ученый утверждает, что ноябрьские события 2004 г. в Украине были началом социальной революции, и по своей сути составляют второй, демократический этап общественных трансформаций [9]. Первый этап, следует считать, длился с 1991 г. до 2004 г. и заключался в демонтаже основных атрибутов административно-командной системы и формировании институциональных основ нового политического строя государства. Такое высказывание вызывает вопрос: корректно ли говорить о революции как об этапе или фазе трансформации? Следует признать, что некоторые исследователи, называя падение авторитарных режимов «бархатными революциями» дают положительный ответ на этот вопрос. Но при этом они отходят от объяснения сущности революции как общественного явления.

Тщательный анализ «Оранжевой революции» на фоне предшествующих и последующих ей событий в Сербии, Грузии и Киргизстане осуществил харьковский исследователь Анатолий Романюк. Автор внимательно анализирует предпосылки и динамику политических трансформаций в четырех странах, однако не достаточно глубоко рассматривает проблему революции как политического феномена.

На основании того, что смена власти в Сербии, Грузии, Украине и Киргизстане произошла «...без применения вооруженного насилия», О.Романюк предлагает выделить данные процессы в «особенный, посткоммунистический тип революций» [10]. Подобная аргументация создает методологическую проблему рамок употребления понятия «революция», используя его в слишком широком смысле. Кроме того, следует иметь ввиду, что смена власти в Грузии и Киргизстане сопровождалась на самом деле не вооруженным, а политическим насилием. В Грузии состоялся захват правительственных зданий, а в Киргизстане, кроме того, имели место массовые столкновения протестующих с отрядами милиции. Поэтому, на мой взгляд, события в этих странах не совсем корректно считать ненасильственными или «бархатными» революциями.

Серьезная попытка обоснования того, что в Украине произошла именно революция была предпринята двумя известными академическими политологами Антониной Колодий и Валентином Якушыком. Не зависимо друг от друга, эти учёные утверждают, что в Украине в конце 2004 г. состоялась политическая революция. В отличие от насильственной социальной революции, которая является характерным признаком эпохи модерна, политическая революция- черта современности и возможна без насилия [11].

Альтернативный взгляд на события ноября-декабря 2004 г в Украине представлен в сборнике текстов украинских и зарубежных критиков под названием «Оранжевая революция. Украинская версия». Сборник редактировал М.Погребыньский – украинский политический технолог обслуживающий властные партии и политиков поддерживающих Л.Кучму. Типичной для авторов этого сборника является мысль высказанная украинским политическим комментатором Владимиром Маленковичем, который утверждает, что основной целью оппозиции был реванш – приход к власти, а не системные перемены в обществе. Без таких перемен, по его мнению, о революции говорить не стоит [12].

Среди Западных украинистов, посвятивших свои работы вопросу «Оранжевой революции», кроме выше упомянутого Т. Кузьо следует отметить Эндрю Вильсона, Доминика Ареля, Андерса Аслунда и Майкла Макфола.

Вообще, необходимо признать, что из множества публикаций западных исследователей посвященных анализу «Оранжевой революции» мне не удалось найти работу, где бы вопрос «Была ли «Оранжевая революция» – революцией?» был поставлен во главу угла. Несмотря на то, что каждый из упомянутых выше ученых представил свою интерпретацию событий в Украине, ни один из них не использовал понятия «революция» в смысле фундаментальных политических изменений.

Так известный британский украинист Э. Вильсон в своей книге «Украинская Оранжевая революция» изданной в 2005 г. осторожно предостерегает о том, что все его выводы имеют не более чем предварительный характер и пока непонятно перейдет ли Оранжевая революция в настоящую социальную революцию, то есть по классическому определению Т. Скокпол «быструю и фундаментальную трансформацию классовых и институциональных структур общества..., которую сопровождает и отчасти осуществляет классовое восстание снизу».

Хотя Вильсон признаёт, что «Оранжевую революцию» следует рассматривать как воистину революционное событие, он не удерживается от соблазна придать ему своё название. Он утверждает, что в сравнительной перспективе украинская революция была абсолютно новаторской за стилем и методами. «Возможно, это была первая «ситуационистская революция»[13].

В общем, мета-идеей книги Э. Вильсона, как мне представляется, была попытка представить общую картину состояния украинского общества на фоне драматических событий конца 2004 – начала 2005 гг. Его внимание сосредоточено на макро явлениях и процессах, таких как региональные различия политических культур, проблемы федерализации Украины, использование электоральных технологий и действия политических элит. Для развития этих сюжетов события «Оранжевой революции» являются для Э. Вильсона, хотя и не центральной, но всё же не более чем «точкой отсчёта».

Заведующий кафедрой украинистики Торонтского университета Д. Арель интерпретирует события «Оранжевой революции» с точки зрения региональных различий, национальной идентичности и национализма[14]. Для него сущностью «Оранжевой революции» было рождение украинской политической нации и гражданского общества. Арель не просто повторяет хорошо известный тезис о неполном характере украинской политической нации (которая, пока что, не выходит за пределы Западной и Центральной Украины). Он идёт дальше, утверждая что непринятие идей «Оранжевой революции» на Востоке и Юге Украины объясняется страхом исключения из национального проекта. Здесь следует согласиться с Арелем, что наибольшим вызовом для Украины в последующие годы будет преодоление региональных различий и расширение политической нации на Восток и Юг Украины.

Наконец в сборнике под редакцией известного экономиста Андерса Аслунда и профессора отделения политологии Стенфордского университета Майкла Макфола «Революция в Оранжевом: происхождение украинского демократического прорыва», предпринята попытка представить взгляды западных, украинских и российских экспертов на события «Оранжевой революции»[15]. Сборник издан Фондом Карнеги в Вашингтоне

и, надо полагать, предназначался для поддержания позитивного имиджа «оранжевой революции» у западного читателя.

Судя из подзаглавия названия сборника, а также из содержания последней главы, где М. Макфол сравнивает события в Украине с событиями в Сербии, Грузии и Киргизстане – «цветные революции» - это электоральные или демократические прорывы, расчищающие дорогу демократизации в странах бывшего коммунистического блока.

Как видно из представленного обзора публикаций наиболее авторитетных западных учёных, никто из них не использует понятие революция в буквальном смысле.

Характерным для западных исследователей, употребляющих в своих текстах слово «революция», является пояснение предложенное одним американским политологом. «Использование слова «революция» не предусматривает указания на какие-либо длительные последствия этих событий [в Сербии, Грузии, Украине и Киргизстане], а всего лишь подчеркивает то, что продемократические движения в каждом случае фактически достигли успеха в свержении существующих режимов»[16]

Предложенный краткий обзор публикаций не исчерпывает всего, что было написано об «оранжевой революции». Здесь я представил рецепцию дискурса революции научным сообществом, учитывая точки зрения представителей разных общественных дисциплин. Как видим, большинство украинских учёных, в той или иной степени склоняются к мысли о том, что события ноября-декабря 2004 г. в Украине дают основания считать их революцией, в то время как западные исследователи предпочитают использовать термин «революция» в качестве синонима массовых акций политического протеста способствующих падению существующего режима.

Сущностные характеристики революции

На мой взгляд, большинство отечественных ученых, которые пытались определить сущность событий конца 2004 г. в Украине путем сопоставления с «классическими» революциями, или даже с новейшими «революциями» 80-х гг. XX в., пошли обманном путем. Дело в том, что не существует «идеального типа» революции, с которым можно было бы сравнивать остальные. Некорректно также говорить о том, что революции происходят во время выборов. Наконец, ни один из авторов, которые считали, что в Украине состоялась революция, не смог объяснить ход событий, исходя из какой-либо теории революции. Нежелание или неспособность поместить украинские события в более широкий теоретический контекст, с одной стороны, может свидетельствовать о недостаточном «методологическом оснащении» большинства украинских исследователей, а с другой – то, что украинские события не укладываются в методологию теорий революции. С этими обстоятельствами связаны трудности большинства авторов, которые определяют драматические события конца 2004 г. в Украине через категорию революции. С целью более тщательного рассмотрения сущности и особенностей революции ниже я привожу определения революции, взятых из нескольких авторитетных изданий.

«Политическая революция – это общественное движение и переворот, целью которых является устранение старого режима путем насильственного завоевания политической власти и осуществление коренных изменений политической жизни общества» [17].

«Политическая революция – насильственный способ принципиального, качественного изменения политической системы общества в результате прихода к власти новых социально-политических сил и коренного изменения курса социально-политического развития страны в их интересах»[18].

«Революция – это быстрое, фундаментальное и насильственное внутреннее изменение господствующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, а также политической деятельности правительства»[19].

Несомненно, что предложенные определения не включают всех особенностей революции. Однако все они подчёркивают существенные характеристики данного явления:

1. насильственный характер;
2. глубокие, фундаментальные изменения существующего строя и социальной структуры общества;
3. радикальное изменение политических институтов и всей политической системы.

Авторитетный американский исследователь проблематики революции Джек Голдстоун выделяет три ключевых аспекта революции – **развал государства (!)**, борьбу между претендентами за центральную власть и формирование новых институций [20].

Если к сказанному добавить, что революции – это длительные процессы – от нескольких месяцев до нескольких лет, то есть макрособытия, активизирующие все слои общества, особенно наименее обеспеченные, в первую очередь крестьян, то становится понятно, что признать события конца 2004 г. в Украине революцией крайне проблематично.

Некоторые критики могут этому возразить, на том основании, что предложенные определения не учитывают такие особенности революции, как массовая политическая мобилизация, смена правящей элиты или смена политического режима, которые видимо присутствовали в украинской революции.

Другие могут расширять само понятие революции, как это делают например, О.Романюк, Т.Кузьо, или американский философ Брюс Акерман. Последний называет революцией «увенчанные успехом усилия, опирающиеся на коллективную и сознательную мобилизацию, целью которых является смена господствующих принципов и практик, касающихся основной сферы жизни»[21]. Такое гибкое определение дает возможность этому автору назвать революциями события 1989 г. в Восточной Европе. Данный тип революций он называет «либеральным» на том основании, что они состоялись без насилия, и их целью не было тотальное изменение всех сфер жизни.

Подобные идеи высказывали и некоторые другие украинские политики и ученые, называя события конца 80-х гг. в странах Восточной Европы, а также события в Украине и Грузии «постмодерными», «посткоммунистическими революциями» или «ненасильственными революциями». Эти интеллектуальные упражнения, безусловно, являются интересной попыткой интерпретировать драматические вехи исторического процесса, однако у меня возникают значительные сомнения по поводу того, что они улучшат понимание сущности событий, происходивших в Украине и других постсоветских республиках в 2003 – 2005 гг.

С целью более внимательного рассмотрения сущности революции как аналитической категории предлагаю краткий обзор наиболее влиятельных теорий революции, предложенных в основном западными исследователями на протяжении XX в.

Теоретические объяснения революции

Как утверждает Дж.Голдстоун, изучением феномена революции в XX в. занимались три генерации исследователей. Первые теоретические объяснения революции принадлежат представителям «естественной истории революции», которые в 20–30 гг. сформулировали исчерпывающий перечень особенностей революции. Анализируя революционные события из доступного им материала, ранние исследователи феномена революции смогли довольно точно реконструировать последовательность революционного процесса [22].

Типичная последовательность революционных событий выглядит следующим образом:

- увеличение роли «интеллектуалов», которые отказываются поддерживать существующий режим;

- перед революцией правительство пытается провести существенные реформы;
- падение режима начинается с острого политического кризиса, вызванного неспособностью правительства справляться не столько с действиями оппозиции, сколько с политическими, военными, экономическими или другими внутренними проблемами;
- возникновение конфликтов в среде революционеров после победы революции. Появляются радикалы, консерваторы и умеренные.
- Первыми, кому удается прийти к власти после победы революции, – это умеренные революционеры.
- Путем умеренных реформ они пытаются возобновить власть, тем временем радикалы организуют массовую мобилизацию.
- Смена общественного строя и господствующей идеологии наступают не тогда, когда старый режим падает, а в то время, когда радикалы обеспечиваются поддержкой масс и меняют «умеренных».
- Наведение порядка осуществляется силовыми методами. Это, как правило, является началом революционного «террора».
- Борьба между «радикалами» и «умеренными», а также между сторонниками революции и внешними врагами способствует приходу к власти военных (Дж. Вашингтон, О.Кромвель, Наполеон, К.Ататюрк, Мао Цзедун, Й.Б.Тито).
- Радикальная фаза революции заканчивается с повторным приходом к власти прагматических «умеренных», которые способствуют установлению порядка в новых условиях (внимание концентрируется на экономических проблемах, а не на политических).

Следующими генерациями исследователей можно считать представителей теорий политического насилия, написавших свои работы в 60-х и 70-х гг. XX в., и представителей новейших «плюралистических» интерпретаций революции, работы которых появились в конце 70-х и в 80-х гг. XX в.[23].

Влиятельной теорией 60-70-х гг. XX в. была психологическая теория насильственных форм социальной активности, предложена американским исследователем Джеймсом Девисом [24]. Для объяснения насильственных действий Дж. Девис использовал два понятия – революция и бунт, хотя четкого определения этих понятий не предложил. Единственным отличием революции от бунта является то, что революция «охватывает больший сегмент населения, чем бунт» (rebellion).

Анализируя несколько классических революций, приход к власти фашистов в Германии в 1933 г., а также негритянские и студенческие бунты 60-х гг. XX в. в США, Д. Девис предложил интересную гипотезу объяснения причин революции. По Д. Девису, революция наиболее вероятна тогда, когда длительный период роста ожиданий и реального удовлетворения потребностей сменяется коротким периодом резкого разочарования, на протяжении которого разница между ожиданиями и реальными возможностями удовлетворения потребностей увеличивается и становится невыносимой. Если неудовлетворение (фрустрация) вызвано действиями правительства, то оно может проявиться в насильственных действиях в форме бунта, если же неудовлетворение доходит до крайности и распространяется на все общество, то оно приобретает признаки революции.

Для иллюстрации своего тезиса Д. Девис использовал схему в которой разница между ожидаемым удовольствием и реальными возможностями удовлетворять свои потребности напоминает перевернутую английскую букву J. По характерному изгибу этой буквы, гипотеза Д. Девиса стала известной как «кривая J». Тезис Д. Девиса стал эмпирично обоснованной альтернативой «естественным» объяснениям революций. Учёный подчеркивал, что вероятность социального взрыва является наибольшей не тогда, когда ситуация широких масс населения постоянно ухудшается (что мы могли наблюдать на протяжении длительного времени в Украине), а только тогда, когда на протяжении

длительного периода их ситуация улучшалась и неожиданно прервалась периодом резкого ухудшения. Это наблюдение свидетельствует о том, что требования населения уменьшаются по мере усугубления ситуации.

Гипотеза Дж. Девиса хорошо объясняет тот факт, что в Украине на протяжении всего периода независимости не было значительных акций протеста, однако она не дает возможности объяснить массовую, ненасильственную мобилизацию значительной части населения Украины в конце 2004 г.

Альтернативное объяснение политического насилия было предложено социологами. Так Н.Смелзер утверждал, что вместо изучения массового недовольства ученым необходимо исследовать социальные институты. Н. Смелзер подчеркивал, что, когда разные подсистемы общества меняются с одинаковой скоростью, управление остается стабильным. Однако, когда одна из подсистем начинает меняться независимо от других, создается дисбаланс, который подталкивает население к изменению системы ценностей. Когда дисбаланс между очередными изменениями отдельных подсистем становится острым, происходит распространение радикальных идеологий, которые подрывают легитимность существующего строя. Во время таких обострений война, правительственный кризис или голод могут привести к падению правительства [25].

Попытку объединить психологическое и социологическое объяснение революции осуществил С. Хантингтон, исходя из распространенной в 70-е гг. XX в. теории модернизации.

С. Хантингтон утверждал, что ключевым аспектом модернизации является увеличение запроса на массовое политическое участие. Революции, с точки зрения Хантингтона, не случаются в традиционных обществах. Они не случаются также и в развитых современных обществах. Революции имеют наибольшую возможность возникновения в тех обществах, которые прошли определенное социальное и экономическое развитие, однако их политическое развитие и модернизация отстает от процесса социальных и экономических трансформаций. Политической сущностью революции является быстрый рост политического сознания и быстрая мобилизация новых групп к политическому участию со скоростью, не позволяющей существующим институтам удовлетворять их требования. Хантингтон выделяет два условия революции. Первое – политические институты неспособны обеспечить участие новых социальных групп в политике и новых политических элит во власти. Второе – желание исключенных из политики социальных групп принимать в ней участие с целью получения определенных материальных или других преимуществ. Одна группа, ощущающая себя отчужденной от власти, может стать причиной переворота, бунта или восстания, однако только объединение неудовлетворенных групп может привести к революции. Возможность революции в модернизирующейся стране зависит от: а) уровня отчуждения городского среднего класса – интеллектуалов, профессионалов, буржуазии; б) уровня отчуждения крестьян от политической жизни и в) уровня объединения городского среднего класса и крестьян не только в борьбе против общего врага, но и за победу национализма [26].

Психологические и системные теории революции пытались объяснить почему появляется неудовлетворение и при каких обстоятельствах оно может привести к насильственному падению режима. С критикой такого подхода выступил британский социолог Чарльз Тилли.

Ч. Тилли не принял объяснения революции с точки зрения модернизации и предложил теорию мобилизации ресурсов. Учёный обратил внимание на то, что само неудовлетворение не может привести к революции, если неудовлетворенное население остается неорганизованным и не располагает необходимыми ресурсами. Утверждая, что неудовлетворение и конфликт являются неотъемлемыми составляющими политики, он подчеркивал, что политическое насилие возможно только тогда, когда неудовлетворенные группы располагают необходимыми ресурсами и достаточно организованы для осуществления своих целей. С этой точки зрения, модернизация может вызвать неудовлетворение, однако она необязательно приведет к революции.

Общие теории революции исходили из психологических объяснений относительной депривации и фрустрации, учитывая неравномерность институциональных изменений и мобилизацию ресурсов контрэлитами. В работах выше указанных учёных анализировалось не только индивидуальное неудовлетворение, но и изменения в существующих институтах и деятельности оппозиционных групп.

Однако, как отмечает Д. Голдстоун, все общие теории революции имели определенные проблемы, объясняя, как и где случаются революции [27].

Во-первых, общие теории рассматривали революцию как направленное движение оппозиции с целью получения власти в государстве. Они объясняли революции, изучая возникновение оппозиции, а также ее ресурсы для коллективных действий. Однако, как показала практика, часто революции начинались не вследствие деятельности мощной оппозиции, а из внутреннего коллапса органов государственного правления, которые были неспособны исполнять надлежащие им функции. Общие теории не давали ответа, почему происходит распад государства и как он связан с возникновением революций.

Во-вторых, дискутируя о проблеме модернизации, со временем западные ученые поняли, что модернизация не является общим процессом. Она имеет свои особенности в каждой отдельно взятой стране. Ведет ли модернизация к революции и какой тип революции может произойти в результате модернизации – зависит от взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами, между городским и сельским населением и даже от скорости роста населения.

Данные проблемы подталкивают исследователей к изучению особенностей политической, экономической и социальной структуры государства и определению влияния разных факторов на стабильность государств.

Так появилась структурная теория революции, предложенная Тедой Скокпол и Элен Тримбергер [28]. Структурная теория революции исходит из того, что государства имеют разную структуру и поэтому они подвержены разным влияниям, которые могут привести к распаду государства. Эта теория утверждает, что революции начинаются с сочетания разных факторов, в первую очередь конфликта между государством и элитами, проявлением гражданского неудовлетворения и соревнования между государствами на международной арене. Т. Скокпол обратила внимание на то, что государства с отсталой экономикой ощущают значительное давление международной среды, что проявляется в распаде государственных институтов и революции. Ярким примером является Россия во время Первой мировой войны, Франция XVIII в., которые проигрывали перед более экономично развитой Англией, а также Японией, Китаем и Турцией, которые боролись с мощными западными государствами в XIX и XX в.

Как утверждают Т.Скокпол и Э.Тримбергер, государства могут распадаться и без поражения в войне. Возможность внутреннего распада зависит от взаимоотношений государства и господствующих политических элит. Если государство, пытаясь уменьшить внешнее давление, идет на ограничение традиционных источников дохода элит или их политического статуса, неизбежен конфликт между государством и влиятельными политическими силами. Если же последние имеют достаточное количество ресурсов, чтобы парализовать деятельность государства, его распад становится более вероятным. Если политические элиты принимают решение не поддерживать государство перед угрозой растущего внешнего давления, они могут прийти к власти в результате «элитарной революции», как это явление называет Э. Тримбергер, или, другими словами, государственного переворота. С приходом к власти новая администрация может прибегнуть к радикальным мероприятиям с целью стабилизации кризиса. Примеры подобных действий дает революция Мейджи 1886 г. в Японии, приход к власти К. Ататюрка в 1923 г. в Турции и государственный переворот 1952 г. в Египте, осуществленный А. Насером.

Некоторые государства, которые принято называть неопатримониальными, функционируют на основании патронажно-клиентельских отношений. В таких государствах глава исполнительной власти может разобщать бюрократию и военных, взаимно их ослаблять и поощрять коррупцию, чтобы государственных служащих

поставить в зависимость от своей собственной воли. Такие государства, как отмечает Т. Скокпол, глубоко ощущают внешнее экономическое и военное влияние. Периоды экономической стабильности дают возможность построить сеть патронажных отношений, однако времена экономического спада могут лишить главу исполнительной власти возможностей контролировать свое окружение. Если же в данный период появляется даже незначительное социальное сопротивление, коррупция среди военных и госслужащих – это может уменьшить возможности властей по наведению порядка. К власти может прийти контрэлита, целью которой является свержение предыдущей элиты, а не смена системы правления. Т. Скокпол относит такие события к революциям особого типа, примерами которых называет мексиканскую, кубинскую и никарагуанскую революции, однако, необходимо подчеркнуть, что в литературе такие события принято называть переворотами.

Так или иначе, паралич государства является лишь одним компонентом революции. Полномасштабная революция происходит только тогда, когда недовольствие элит и усиливается массовыми движениями городских рабочих и крестьян.

События ноября-декабря 2004 г. в Украине имели некоторые признаки революционности (политический кризис, который длился от оглашения результатов второго тура выборов до принятия решения Верховным судом о признании результатов этого тура недействительными и назначения повторного голосования, политическая мобилизация значительного количества граждан, противостояние власти и оппозиции, политическая поляризация в обществе), однако это не дает оснований назвать их революцией потому, что:

1. Несмотря на политический кризис декабря 2004 г. и правительственный кризис сентября 2005 г., коллапса в функционировании ключевых институтов, отвечающих за поддержку автономной безопасности в государстве, не было. Автономную безопасность я понимаю как способность государства решать свои собственные проблемы мирно, без какого либо внешнего или военного присутствия.

Институтами отвечающими за поддержание автономной безопасности считаются следующие:

- А) эффективная полиция /милиция и система исправительных заведений;
- Б) действенный бюрократический аппарат или государственная служба;
- В) независимая судебная система;
- Г) профессиональные вооруженные силы, пребывающие под гражданским контролем [29].

Указанные институты, хотя никогда не были и еще не скоро станут полностью автономными в Украине, то есть независимыми от политических партий и кланов, а также от политических элит, однако они и не были полностью подконтрольными данным группам. Следовательно, не было и нет оснований утверждать, что в Украине в конце 2004 г. произошёл распад государства.

2. Смена власти осуществилась ненасильственным путем;

3. События конца 2004 г. в Украине, хотя и были экстраординарными, включительно с повторным голосованием второго тура выборов, однако не вышли за рамки правового поля;

4. На протяжении двух лет после смены власти не произошло глубоких перемен ни в системе власти, ни в социальной структуре общества, что в целом свидетельствует о сбережении существующего строя в государстве.

5. С начала 2006г. в Украине вступила в действие политическая реформа изменившая соотношения полномочий в функциях основных институтов политической системы в пользу парламента и кабинета министров, происходят изменения в некоторых социальных и политических институтах. Хотя эти изменения осуществляются не системно, сопровождаются усилением политического противостояния и кризисами, они являются следствием политического компромисса достигнутого 8 декабря 2004 г. Таким образом политический кризис к.2004 г. был преодолен мирным путём.

События в Украине не были также и путчем, мятежом или переворотом. Возникает вопрос – как их определить? Я предлагаю взглянуть на указанные события сквозь призму «транзитологии». В этой сфере политических исследований главное внимание уделяется тому, как происходит процесс трансформации политических режимов. В транзитологии выделяют несколько типов политической трансформации: реформа, революция, переворот и переход. Если революция – это насильственное изменение действующих институтов, то переход (транзит) – это такой тип политической трансформации, для которого характерно изменение институтов без нарушения правовых норм. Реформа и переворот также не удовлетворяют данные требования.

Переход рассматривают как длительный процесс, который состоит из нескольких этапов [30]. Изменения начинаются с либерализации старого режима, для которого характерны попытки власти сберечь остатки легитимности путем расширения политической конкуренции. Следующий этап характеризуется углублением требований демократической оппозиции и попыткой властей сдержать демократическое движение путем заигрывания, угроз, уступок, переговоров и компромиссов с оппозицией.

Если к власти приходит демократическая оппозиция, в таком случае есть основания говорить о начале решающего, третьего этапа общественных трансформаций, для которого характерны перемены в политической, экономической, правовой и других подсистемах общества.

Поступательность и неизбежность реформ дает возможность перейти к последнему, четвертому этапу трансформаций, который должен закончиться укреплением демократических институтов, формированием политической культуры гражданского типа и рыночной экономики. Движение от консолидированного авторитаризма к консолидированной демократии может длиться от 9-10-ти до 30-ти и более лет [31]. Такая длительность перехода объясняется целым рядом факторов, которые в одних странах могут ускорять, а в других замедлять процессы перемен.

События в Украине лучше объяснять через призму транзита, который, на мой взгляд, начался в конце 80-х гг. XX в. и будет длиться еще примерно 5-15 лет. Переход в Украине не похож на остальные известные примеры демократических трансформаций. В Украине произошла ненасильственная ротация властных элит при массовом участии населения в период президентской избирательной кампании. Однако со сменой элит в верхних эшелонах власти изменения политического режима не произошло¹.

Политический режим, сформировавшийся в Украине с 1994 г. по 2004 г., был симбиозом неопатримониального авторитарного правления президента Л.Кучмы и господства клановой олигархии. Политический цикл, который длился в Украине 13 лет, закончился. В начале 2005 г. мы вернулись к исходной точке 1991 года, правда, на совершенно другом уровне.

В Украине политический процесс не вышел за рамки правового поля, несмотря на то, что был очень близок к этому. Выборы закончились, хотя и экстраординарно, однако легитимно. Политический кризис, вызванный нарушениями избирательного законодательства и массовыми акциями протеста, также был решен компромиссным путем.

С начала 2005 г. в Украине происходит смена институтов. К подобным изменениям можно отнести: кампанию по борьбе с коррупцией, которая приобрела в Украине систематический характер и считается институтом, характерным для авторитарного и переходного обществ [32]; осуществление политической реформы, которая предусматривает изменения в полномочиях основных веток власти; подготовка административно-территориальной реформы. Данные реформы, при условии их успешной реализации, вместе взятые, могут повлиять на изменение всей политической системы.

Следовательно, президентские выборы, сопровождающиеся массовым участием граждан в акциях политического протеста, заложили начало третьего этапа перехода.

Следует обратить внимание на то, что на протяжении двух лет после событий «Оранжевой революции» демократические изменения в Украине не приобрели

¹ Этот тезис, более подробно, будет развит в отдельном исследовании.

необратимого характера. Поскольку рассмотрение последствий президентских выборов 2004 г. не является заданием данной публикации, ограничусь только перечнем авторов, которые обосновывают подобные предостережения более подробно [33].

Украинский переход в сравнительном контексте

Падение коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 80-х гг. XX в. произошло мирным путем в результате нарастания массовых политических забастовок и акций протеста, ставших следствием системного кризиса коммунистических режимов. Отличия кризиса – неспособность правительств эффективно взаимодействовать с оппозицией, экономический упадок и потеря легитимности коммунистических режимов.

Падение авторитарных режимов в Польше, Чехословакии и Венгрии происходило в каждой стране по-своему, при наличии внутренних или внешних катализаторов, таких как резкий экономический кризис, вмешательство во внутренние дела извне и т.п.

Что же касается Сербии, Грузии, Украины и Киргизстана, то здесь выборы, а точнее сфальсифицированные результаты выборов, стали катализатором массовых акций протеста[34]. В постсоветских республиках начало перехода, или либерализация авторитарных коммунистических режимов, не сопровождалась нарастанием демократического потенциала в обществе, как это было в восточноевропейских государствах. Теперь уже очевидно, что можно говорить о второй волне демократических преобразований наступивших с падением современных авторитарно-олигархических режимов. Хочется надеяться, что общественность этих стран, особенно трёх постсоветских, найдёт в себе силы удержать демократический импульс и не допустит возврата авторитаризма. Даст ли приход к власти оппозиции в последней группе стран основания говорить об успехе демократического транзита, будет зависеть от умения последней преодолевать внутренние кризисы, умело распоряжаться народным доверием и последовательно проводить демократические преобразования.

К сожалению, в Украине после парламентских выборов 2006 г., пришедшая к власти оппозиция не смогла эффективно распорядиться значительным кредитом народного доверия, погрузила во внутренних расприх и в результате снова оказалась не у власти. В случае неудачи украинской оппозиции на досрочных парламентских выборах осенью 2007г., перспективы евроатлантической интеграции Украины и завершения процесса перехода опять отодвигаются на неопределённое время.

В восточноевропейских странах власть использовала разные методы сдерживания оппозиции – от выборочных репрессий (арест В. Гавела в Чехословакии, З. Буяка и других лидеров оппозиции в Польше) к сотрудничеству с оппозицией (проведение «круглых столов» в Польше и переговоров об условиях передачи власти в Венгрии).

В транзитологии различают два типа перехода – радикальный и умеренный. Радикальным путем переход осуществлялся в тех странах, где старая элита полностью утратила легитимность. Смена режима произошла либо путем абдикации (отказ от власти), так как это случилось в 1989 г. в Чехословакии и ГДР, и в 1993 г. в Грузии, либо насильственным путем, так как это случилось в 1989 г. в Румынии и в 2005 г. в Киргизстане.

Умеренный тип перехода предполагает победу оппозиции на выборах, которая либо ведет переговоры со старой элитой о путях и методах проведения реформ, либо допускает проникновение представителей старой элиты во властные структуры. Последний из указанных путей наиболее длительный. К тому же, при сохранении властных позиций старой элиты, возможны отклонения и остановки процессов демократизации. Именно этим путем развивались события в Украине и большинстве постсоветских стран после 1991 г., а сейчас, очевидно, что и после 2004 г.

Хронологически, однако, с некоторой условностью, переход в Украине можно рассматривать следующим образом:

I. Начало либерализации режима – конец 80-х гг. – 1991 г.

- II. Сосуществование (частично сотрудничество, частично скрытая, а то и открытая борьба) старой и новой элит – 1991-2004 гг.
- III. Демократический прорыв конца 2004 г. Начиная с 2005 г. перед Украиной стоят новые вызовы связанные, прежде всего с преодолением политической нестабильности. В зависимости от того, как будут складываться отношения между властью и оппозицией и от того, какая из политических групп сможет укрепиться у власти, длительность данного этапа может растянуться от 5 до 15 лет. Логически переход должен закончиться консолидацией демократии, что означает необратимость демократических изменений.

Либерализация во всех сферах жизни началась в СССР в 1985г., с приходом к власти М.Горбачёва. Однако в Украине ослабление авторитарного режима стало ощутимым только к концу 80-х гг., свидетельством чего было распространение сети гражданских организаций и появление первых политических партий.

Вследствие окончательного распада СССР, вызванного неудачной попыткой государственного переворота в августе 1991 г., независимость получили все бывшие республики СССР. Власть в новых государствах попала в руки бывшей советской номенклатуры, которая под воздействием демократических трансформаций смогла поменять политический «макияж». Способность старой партийно-комсомольской номенклатуры оставаться при власти, меняя имидж, – пример постсоветской политической мимикрии. Именно благодаря сбережению позиций старой номенклатуры в Украине стало возможным формирование сложного симбиоза семейной власти и клановой олигархии в период десятилетнего президентства Л. Кучмы.

Процессы демократизации начали сворачиваться в Украине со середины 90-х гг. В это время в стране начал формироваться псевдодемократический режим. В транзитологии такие режимы принято называть гибридными. Они объединяют некоторые институты демократии, такие как выборы и наличие оппозиции сохраняя, при этом, авторитарные приемы осуществления власти [35].

Трансформационные процессы, происходившие в Украине, не следует рассматривать в линейной плоскости. На мой взгляд, более корректно было бы говорить, о зигзагообразном характере политических трансформаций. В этой связи можно рассматривать два разновекторных процесса. Первый связан с изменениями политических институтов в направлении демократизации. Второй – с движением в обратном направлении – сохранением и развитием институтов авторитарного режима. Другими словами, эволюцию политического режима в Украине с 1991-2004 гг. следует рассматривать сквозь призму процессов демократизации и олигархизации.

В Украине с 1991 до 2004 г. мы были свидетелями особенного варианта общественных трансформаций – формирования новейшей постсоветской разновидности авторитаризма, который вырос за фасадом слабо выраженных демократических институтов. Переход в большинстве постсоветских республик, начавшийся в конце 80-х гг., не завершён с точки зрения традиционной модели трансформации. Более того, в некоторых среднеазиатских республиках мы наблюдаем возврат к традиционным (авторитарным) режимам, или конструирование современных, как в России и Беларуси «полицейских» государств. Поэтому модель перехода должна быть дополнена опытом постсоветских стран. Наряду с двумя существующими индикаторами – институциональным переломом и правовой непрерывностью, которые присутствовали в Украине, для увеличения экспланационного потенциала модели необходимо добавить, по крайней мере, еще один. Данный индикатор связан со сменой элит. В Украине, как и в других постсоветских государствах, за исключением прибалтийских республик, с обретением независимости смены элит не произошло. Проникновение бывшей советской номенклатуры во властные структуры было тем фактором, который обусловил формирование новейших постсоветских авторитарных режимов в бывших советских республиках.

Теперь вернемся к событиям ноября-декабря 2004 г. и попробуем определить особенности новейшего этапа украинского транзита. На мой взгляд, важной особенностью является то, что украинский вариант перехода не похож ни на один из двух известных типов. В Украине старая власть была полностью лишена легитимности, но не решились ни на применение силы, после начала массовых акций протеста, ни на отказ от исполнения полномочий.

Первый и особенно второй тур выборов состоялся с массовыми фальсификациями результатов в пользу провластного кандидата. Такие действия власти в политических исследованиях называются «украденными выборами» [36].

Следующей особенностью является то, что со сменой власти в Украине начался новый этап политических трансформаций. Первый этап длился с конца 80-х годов XX в. до 1991 г. Второй – с 1991 до конца 2004 г. В этот период в Украине советский номенклатурный авторитаризм трансформировался в новейшую кланово-олигархическую разновидность авторитаризма.

Избрание президентом страны оппозиционного кандидата можно рассматривать как начало третьего этапа перехода в Украине. Определяющей чертой этого этапа является борьба элит. Не смотря на избрание В.Ющенко президентом, полной смены политических элит не произошло. Именно неэффективными действиями руководства страны и борьбой конкурирующих политико-промышленных групп за власть объясняется несколько политических кризисов 2005-2007 гг. в Украине и потребность проведения внеочередных парламентских выборов в сентябре 2007.

Тем не менее, победа оппозиционного кандидата на президентских выборах 2004 г. в Украине стала возможной благодаря массовому участию граждан в политической забастовке, политической поддержке западных государств, международных организаций и независимой позиции Верховной Рады и Конституционного Суда. Решающим фактором победы оппозиции следует считать прямое участие граждан в ненасильственных акциях протеста. Без сотрудничества разных слоев украинского общества и демонстрации гражданского мужества, победа оппозиции была бы невозможной, даже если бы все знали, что результаты выборов были сфальсифицированы.

Примечания

1. Колодяжний М. Чи була революція революцією? // www.pravda.com.ua от 12.01.2005
2. Грабовський С. Так, революція // www.pravda.com.ua от 24.01.2005
3. Возняк Т. Між двох революцій // “І” №34, 2004р.
4. Kuzio T. From Kuchma to Yushchenko. Ukraine's Presidential Election and the Orange Revolution.// Problems of Post-Communism, vol.52, no 2, March-April 2005, p.15
5. Саєнко Ю. Україна: динаміка змін у суспільній свідомості// Універсум. №10-12, 2004.
6. Кульчицький С. Визрівання помаранчевої революції. // День.— №54—56,58.—2005.
7. Кульчицький С. Помаранчева революція: розщеплення “адміністративного ресурсу”. // День.—№88.—20 травня 2005 р.
8. Гальчинський А. Фази революції // День.—№7.—19 січня 2005 р.
9. Гальчинський А.. Помаранчева революція і нова влада. — Київ, Либідь, 2005. — с.6-11
10. Романюк А. Посткомуністичні революції // Політичний менеджмент.—№4(13), 2005 — С.17

11. Колодій А. Від „Сірої зони” до кольору сонця: Помаранчева революція і демократичний перехід в Україні // Агора. Вип. 1.
<http://www.kennan.kiev.ua/kkp/publications.htm>; Якушик В. Українська революція 2004-2005 років. Спроба теоретичного аналізу // Політичний менеджмент. – 2006. – №2. – С. 19-36.
12. Маленкович В. О причинах «Оранжевой революции» в Украине. // Оранжевая революция. Украинская версия. М., Европа, 2005.
13. Wilson A. Ukraine's Orange revolution. Yale University Press, 2005.
14. The “Orange Revolution”: Analysis and Implications of the 2004 Presidential Election in Ukraine Third Annual Stasiuk-Cambridge Lecture On Contemporary Ukraine. Cambridge University 25 February 2005//
www.ukrainiancambridge.org/Images/Arel_Cambridge_english.pdf
15. Aslund A., Mcfaul M. Revolution in Orange: The origin of Ukraine's Democratic Breakthrough.//
www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=18051&prog=zru
16. Joshua A. Taker Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and the “2nd Wave” of Post-Communist Democratic Revolutions. Paper presented at the first annual Danyliw seminar in contemporary Ukrainian studies//
www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/P_Tucker_Danyliw05.pdf
17. Політологічний енциклопедичний словник. – Київ, Генеза. 1997. – С. 293.
18. Политическая Энциклопедия. Т. 2. – М., 2002. – С. 330.
19. Huntington S. Revolution and Political Order// Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies. ed. By Jack Goldstone. HBS publishers. 1986. p. 39. Перевод мой.
20. Голдстоун Дж. Революції теорії // Енциклопедія політичної думки. – Київ, Дух і Літера. 2000. – С. 326.
21. Акерман Б. Майбутнє ліберальної революції. // “І”.– №34
22. Подробнее об этом см. Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies. Edited by Jack A. Goldstone. HBJ Publishers, 1986. pp 2-17.
23. Ibid, p. 5.
24. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review, 1962. №27, pp. 5-19.; См. также Davies J.C. The J-Curve of Rising and Declining Satisfaction as a Cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion // H. D. Graham and T. R. Gurr (eds.), Violence in America: Historical and Comparative Perspectives, Vol. I, June 1969, pp. 547-575.
25. Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York: Free Press, 1963.
26. Huntington S. Revolution and Political Order// Revolutions: Theoretical, Comparative and Historical Studies. ed. by J. Goldstone. HBJ Publishers. pp. 39-47.
27. Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies, p. 6.
28. Scopol Theda, Ellen Kay Trimberger. Revolution: A Structural Analysis// Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies. pp. 59-65.
29. An Analytical Model of Internal Conflict and State Collapse: Manual for Practitioners. The Fund for Peace. Washington D.C. 1998.
30. Подробнее об этом см. Колодій А. Політичний режим в Україні. Спроба транзитивного підходу. // Сучасність. - 1999. - №7-8. - С. 84-96
31. Політологія посткомунізму. Політичний аналіз посткомуністичних суспільств. - К., Політична думка. – С. 106.
32. См. Філіп М. Політична корупція, демократизація і реформа// Політична корупція перехідної доби. – К., 2004. – С. 51-72.
33. См. например, The Future is Orange // The Economist, 2005, 1 January, pp. 10-11.; Мартинович М. Уже не “осанна”, але ще не “розпни”. // Д.Т. №31, 2005. С. 3.; Robert K. Christensen, Edward R. Rachimbulov, Charles R. Wise The Ukrainian Orange Revolution Brought More Than a New President: What Kind of Democracy

- Will the Institutional Change Bring? // *Communist and Post – Communist Studies*, 38 (2005), pp.207-230.
34. Taker Joshua A. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and the “2nd Wave” of Post-Communist Democratic Revolutions // Paper presented at the first annual Danyliw seminar in contemporary Ukrainian studies. www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/P_Tucker_Danyliw05.pdf
35. См. например, Carothers T., The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13 №1, 2002; Diamond L., Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. Vol. 13 №2, 2002 ; Levitsy S., Way L., The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*. Vol. 13 №2, 2002.
36. См. Thompson Marc R., Philipp Kuntz, Stolen Election: The Case of the Serbian October // *Journal of Democracy*. Vol. 15. № 4, October 2004. Они определяют понятие следующим образом: “Выборы считаются украденными, когда существующий режим препятствует победе оппозиции через откровенные манипуляции с подсчётом голосов или через аннулирование результатов выборов.” Перевод мой. Цитировано за Muzaffar Suleymanov. The Orange Revolution <http://www.monitor.ucepeace.org>.